

**СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА СССР:
ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
(несостоятельность сталинской формулы 1936 г.)**

Введение

Научная идентификация социально-экономической природы СССР составляет принципиально важную задачу, поскольку без ее решения невозможно разобраться не только в том, какой характер имело советское общество – эксплуататорский или неэксплуататорский, социалистический или несоциалистический, – но и в том, какой, собственно, общественно-экономический строй сложился в постсоветский период, а главное – почему, в силу каких условий, причин и закономерностей.

Нисколько не отрицая значения субъективных факторов происшедшего и происходящего в российской стране, мы следуем канонам классической науки, а потому исходим из примата объективных факторов, и прежде всего – объективных противоречий, законов и закономерностей движения общества в каждую историческую эпоху. В соответствии с диалектическим подходом знание конкретно-исторического общества предполагает познание его базисных противоречий и законов, или противоречий и законов его способа производства. Пока противоречия и законы экономического базиса остаются непознанными, до тех пор непознанным является и основанное на нем общество.

Данный критерий научного познания справедлив, разумеется, для любого общества, включая советское. Тем не менее социально-экономическая диалектика СССР все еще остается больше «вещью в себе», чем «вещью для нас», ибо достоянием науки и общественного сознания до сих пор не стали основные из конкретно-исторических противоречий советского периода. Советское общество всегда было на виду и под пристальным вниманием всего мира. Несмотря на это, относительно его социальной природы до сих пор нет четкой определенности и оно тоже числится среди малоизученных и неведомых, подобно государствам с азиатским способом производства¹.

Дело не в недостатке литературы. С легкой руки Л. Троцкого, написавшего в 1936 г. книгу «Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет?», вопросом о том, что такое Советский Союз, занялось в последующем множество авторов: и отечественных, и иностранных. Но количество трудов не перешло в качество. Скорее, наоборот, из-за дефицита научного качества ширится преимущественно псевдонаучное количество. Причина наблюдаемого положения объясняется недиалектическим, или, что одно и то же – ненаучным взглядом на общественно-экономические отношения, специфичные для Советского Союза.

Теперь, когда советского общества нет больше на современной карте истории, ненаучные, путаные воззрения на социальный характер Советского Союза находят отражение в самых нелепых и бездумных версиях о причинах его кончины. Ходячие объяснения развала СССР, включая экономические, отправляются от чего угодно,

но только не диалектики реальной жизни советского общества. Фактически каждое из них неверно уже изначально, ибо неверны сами послышки, принятые для них.

В большинстве своем растиражированные и наиболее тиражируемые версии молчаливо берут в качестве первоначальной предпосылки сталинскую формулу «победы социализма в основном», вследствие чего отождествляют советское общество с социалистическим. И потому, независимо от выдвигаемых ими объяснений развала Советского Союза, крах СССР они выдают за крах социализма, за всемирно-историческое поражение социализма.

Логическая цепочка, венчаемая подобным заключением, внешне выглядит довольно связной. Дана первая посылка – в СССР построен социализм, дана и вторая – СССР развалился; отсюда выводится, что социализм побежден капитализмом. Получается, будто «победа социализма» оборачивается в итоге своей полной противоположностью, ибо становится в конечном счете «победой капитализма». Получается полная бессмыслица, что историческое время течет назад: не от низшего к высшему, а наоборот – от высшего к низшему, т.е. от социализма к капитализму.

Суждение о крахе социализма, по видимости вроде бы логичное, сводится к явному абсурду, и, стало быть, тоже абсурдно. Так и есть. Оно действительно противоречит правилам формальной логики и ошибочно, ибо тривиально ошибочна его первая посылка, целиком воздвигнутая на ложной сталинской формуле, закрепленной в Конституции 1936 г.

Согласно законам формальной логики для истинности умозаключения обязательна истинность тех посылок, на каких оно возводится. В свою очередь, истинными могут быть лишь такие послышки, которые строго доказаны и неопровержимы.

Между тем сталинскую формулу 1936 г. нельзя отнести ни к доказанным, ни к неопровержимым, ни к научно обоснованным. По канонам классической науки она сплошь безосновательна. Формулируя ее в докладе о проекте новой Конституции СССР, Сталин полностью проигнорировал действующие в советской стране 1930-х гг. экономические противоречия и экономические законы.

§ 1. «Победа социализма» в СССР и ее оценка Л. Троцким

Надо сказать, Л. Троцкий старался как мог нащупать противоречия зигзагообразной в своем движении советской реальности, но у него вышло разве лишь подобие диалектического анализа: слова о противоречиях есть, а самих противоречий нет. Если откровенно, то он стал одним из первых, кто поставил анализ советской действительности 1930-х гг. на недиалектические рельсы, подменив реальные и базисные противоречия звучным, но социально неопределенным «противоречием между бюрократией и народом». По отношению к диалектике – признание на словах, и видимость диалектики на деле – он мало чем отличался от желчно ненавидимого им Сталина, который директивно положил конец всякому анализу классового строения и классовых противоречий советской страны конституционной формулой 1936 г. о «факте победы социалистического строя в СССР»².

Вместо установления подлинных противоречий Л. Троцкий, играя фразой, запутался в формально-логических. Согласно его представлениям, ВКП(б) подверглась

термидорианскому перерождению и бюрократия эксплуатирует рабочий класс, однако государство осталось рабочим; господствует буржуазный принцип распределения по труду и нарастает социальное неравенство заодно с антагонизмами, а переход осуществляется в сторону социализма и т.д.

Твердая убежденность Л. Троцкого, будто противоречия сохраняются в СССР именно постольку, поскольку «далеко не достигнута еще и первая стадия социализма», столь же показательна, сколь и не диалектична³. Такого рода воззрение есть верный симптом отстраненности от диалектического метода познания. Позвоительно спросить: раз социализм и впрямь становится реальностью, то что – всякие противоречия испаряются, а источник развития пересыхает? Неужели там, где социализм, нет противоречий? Если так, то социализм наделяется свойством отменять социальную диалектику, отменять источник и движущие силы общественного развития. Но точно так же полагал и Сталин, приписывая социализму свободу от противоречий и обывательски сводя противоречия к недостаткам. Стало быть, по отношению к диалектике «ортодоксальный» Л. Троцкий стоит в одном ряду с «термидорианским» Сталиным, так как оба они разделяют ненаучную, недиалектическую позицию. Первый вполне стоит второго, хотя, справедливости ради, Л. Троцкому следует отдать должное за то хотя бы, что он на фактах доказал, что советский опыт начиная со сталинского периода разворачивался отнюдь не по Марксу.

Цитируем: «Теория не есть вексель, который можно в любой момент предъявить действительности ко взысканию. Если теория ошибалась, надо ее пересмотреть или пополнить ее пробелы. Надо вскрыть те реальные общественные силы, которые породили противоречие между советской действительностью и традиционной марксистской концепцией. Во всяком случае, нельзя бродить впотьмах, повторяя ритуальные фразы, которые, может быть, полезны для престижа вождей, но зато бьют живую действительность в лицо»⁴.

Одним только этим утверждением, что советская действительность противоречит марксовской теории, Л. Троцкий сполна искупает довольно многочисленные ошибки своего анализа. И понятно, отчего он крайне неудобен всем тем, кто вместе с трупом СССР мечтает положить во гроб и живое учение Маркса, дабы заживо похоронить классическую науку рабочего класса. Гипотетически допуская разложение и крушение советской власти, но считавший такую возможность практически невероятной, Л. Троцкий, тем не менее, еще в 1936 г., более чем за полвека до свершившегося факта, обесмыслил вздор, будто крах СССР означает крах марксовской теории, или иначе – теории освобождения рабочего класса самим рабочим классом. Не менее абсурдно с позиции Л. Троцкого и утверждение, будто крах СССР есть крах социализма.

Как минимум по указанным двум пунктам троцкистский анализ привнес, вне всякого сомнения, позитивный вклад, чего нельзя не видеть. Диалектический подход требует брать конкретную идейную позицию во всей ее полноте, вместе со всеми ее сильными и слабыми сторонами. Данное требование касается также отношения к троцкизму. Какими бы прискорбными ни были недостатки работы Л. Троцкого «Преданная революция», они не дают ни повода, ни оправдания для впадения в односторонность.

Сделанное нами замечание неслучайно. К сожалению, именно к односторонности отступили бывшие соратники Л. Троцкого, разошедшиеся с ним и затем вообще

отошедшие от него из-за «клятого» вопроса о госкапитализме – С. Джеймс и Р. Дунаевская⁵. Они видели главным образом непоследовательность и минусы троцкистского анализа, не различая сильных моментов, прозрений и проницательных догадок, каких тоже хватает в тексте. В результате одну односторонность, троцкистскую, сменяет другая, антитроцкистская. Недиалектический же подход был как в первом случае, так остался и во втором.

Естественно, негативных последствий догматического начетничества не избежала и «госкапиталистическая версия». Ее сторонники, тоже нагромоздив кучу ошибок, хватили через край, когда обвинили Л. Троцкого в том, что каждым своим словом, написанным в «Преданной революции», он *укрепляет* сталинизм⁶. Мало того что это несправедливое обвинение, оно еще и не очень умное. Рассуждая столь примитивно, легко дойти до той полной нелепости, что и Сталин каждым своим словом укреплял троцкизм.

Спору нет, сталинизм до одури опасался даже намека на госкапитализм, и на сей счет мы располагаем такими данными, к примеру, по журналу «Плановое хозяйство», какие едва ли были знакомы С. Джеймсу и Р. Дунаевской. Но при все том троцкизм отбрасывал «госкапиталистическую версию» вовсе не затем, чтобы угодить Сталину.

В связи со сказанным сошлемся на еще одно немаловажное обстоятельство. Сталинизм, как известно, не меньше страшился сравнения производительности труда по коэффициентам в «международном масштабе», тогда как автор «Преданной революции» не только не боялся, но, наоборот, с 1923 г. требовал такого сравнения. И что, выставлением критерия производительности труда «ортодоксальный» троцкизм тоже укреплял сталинизм? Кто так считает, тот не считается с истиной.

Мы уже определили, отчего два протагониста трагического театра советской истории, Л. Троцкий и Сталин, один другого стоят: оба исповедовали недиалектический подход. Но они вовсе не одиноки в своем грехопадении. Наравне с ними их грех разделяют и их непримиримые критики, включая «госкапиталистических».

Думается, незачем долго доказывать, что Л. Троцкий спасовал перед диалектической спецификой СССР: проще обратиться к его признанию, зафиксированному его собственными словами – «вопрос о характере СССР еще не решен историей»⁷. Он только беспомощно разводил руками: «В каком направлении развернется в течение ближайших трех-пяти-десяти лет динамика экономических противоречий и социальных антагонизмов советского общества, на этот вопрос окончательного и бесповоротного ответа еще нет»⁸. Уточним здесь, что именно сами «экономические противоречия и социальные антагонизмы советского общества», а не направление их «развертывания», составляли загадку для Л. Троцкого.

Прочие авторы, дерзнувшие порассуждать на тему, заданную первопроходцем, запутались еще больше. Многим из них он знал настоящую цену: «‘Друзья’ СССР имеют профессиональную привычку собирать впечатления с закрытыми глазами и с ватой в ушах: полагаться на них нельзя»⁹.

Точно сформулированный Л. Троцким вопрос: «Что такое СССР?» – невозможно прояснить, пока не определены базисные противоречия, свойственные СССР – вот что доказывается безуспешностью всех попыток, предпринятых в обход диалектического анализа. Догматический схематизм помешал, между прочим, и тем из исследователей, которых отличает стремление все же по-настоящему разобраться в

данном вопросе, подобно С. Джеймсу, Р. Дунаевской, Г. Ли, Т. Клиффу, Э. Манделу, приложившим заметные усилия, чтобы перейти от явлений к сущности^{10,11}.

Нечего и говорить, насколько нас интересовало то, каким образом Л. Троцкий расценивал сталинское откровение о «победе социализма» и вступлении в период перехода от социализма к коммунизму, ссылаясь ли при этом на конкретно-исторические противоречия советской страны.

Надо сказать, книга «Преданная революция» завершена, судя по предисловию, в начале августа 1936 г., а Сталин выступил со своим конституционным докладом на VIII Всесоюзном съезде Советов – чрезвычайном, конституционном и, между прочим, последнем, 25 ноября 1936 г. Книга была готова раньше, чем сталинский доклад, и ее автор физически не мог отреагировать на аргументацию, обнародованную в докладе. На столе Л. Троцкого находился только проект сталинской Конституции.

Тем не менее, Л. Троцкий, хотя и ограниченный скудностью материала, мгновенно распознал гнилой стержень «победной» формулы, поскольку критерий его оценки сводится, в конечном счете, к «проблеме всех проблем: производительности труда»¹².

Забвение Сталиным классического критерия, забвение формационной значимости достигнутой обществом высоты производительности труда бросилось позднее в глаза Р. Дунаевской и ее соавторов. В работе, написанной в 1950 г., они верно заметили: «Теория сталинизма отрицает, что экономическим провозвестником нового общества является *качественно* высшая производительность труда. Взамен последней в виде критерия эта теория выставляет количественное накопление товаров, или рост ‘социалистического сектора’, т.е. государственной собственности»¹³. В то же время они промолчали о заслуге автора «Преданной революции», который задолго до них использовал критерий производительности в «международном масштабе». Зато умудрились дать ложную трактовку, по смыслу которой анализ кривой советской производительности труда Л. Троцкий подчинил якобы «вопросу о рубле», т.е. вопросу об «эффективности бюрократии»¹⁴. Сложно установить, чем они руководствовались и что подвигло их на неправду в отношении центрального пункта анализа, данного их предшественником. Но их предвзятость очевидна.

Правда заключается в том, что Л. Троцкий одним из первых категорически опровергнул «победную» сталинскую формулу, опираясь именно на классический критерий производительных сил и производительности труда. Фиксируя многократное отставание СССР от стран передового капитализма по производительности труда, он однозначно оценивает советское общество как общество переходного режима, т.е. несоциалистическое. И упрекает советскую бюрократию за отказ от марксовской теории, согласно которой уровень развития страны измеряется высотой производительности труда.

Цитируем: «В чем же собственно теоретическая ошибка бюрократии: в основной посылке или в выводе? В том и в другом. По поводу первых заявлений о ‘полной победе’ оппозиция возражала: нельзя ограничиваться общественно-юридическими формами отношений, притом незрелыми, противоречивыми, в земледелии еще весьма неустойчивыми, отвлекаясь от основного критерия: уровня производительных сил. ...Советские формы собственности на основе новейших достижений американской техники, перенесенных на все отрасли хозяйства, – это уже первая стадия социализма. Советские формы при низкой производительности труда означают

лишь переходный режим, судьба которого еще не взвешена окончательно историей»¹⁵

Конечно, и здесь сквозят перехлесты из-за увлеченности фразой, и здесь мы находим изрядные преувеличения, порожденные скольжением по поверхности реалий. Безусловно, даже в соединении с новейшей американской техникой советских форм собственности было маловато для первой стадии социализма, поскольку они ни в чем не поднялись выше юридических, т.е. формально-социалистических. Неразличение формального и реального есть недостаток, и притом большой, потому как выражает недостаток диалектической логики. Наряду с тем в приведенном положении нельзя не видеть вполне верной мысли. Здесь верно то, что «победный» вывод Сталина несовместим с достигнутым уровнем производительности труда – весьма низким по меркам стран передового капитализма.

Благодаря опоре на классический критерий Л. Троцкий попал в самую точку. Вывод Сталина оказался вымыслом, начисто опровергаемым и опровергнутым практикой, точнее – практически обеспеченным уровнем производительности труда, в разы меньшим по сравнению с показателем передового капитализма. Однако, о чем уже сказано, разбора всей сталинской аргументации, изложенной в докладе 25 ноября 1936 г., в книге Л. Троцкого нет да и не могло быть. Пунктуального, пункт за пунктом, разбора не найти и в последующей литературе, включая «госкапиталистическую», а необходимость в нем громадна. И не из-за прошлого, а из-за настоящего и будущего.

Истина нужна не для того, чтобы сводить счеты с прошлым или «героями прошлого». Истина нужна в интересах социально-экономического прогресса человечества, идущего вперед через разрешение объективных противоречий. Не только по критерию производительности, о чем знал Л. Троцкий, разоблачается выдумка о социализме в СССР, но и по критериям диалектического анализа, о чем, увы, не знали ни автор «Преданной революции», ни его ригористичные критики «слева».

§ 2. Несостоятельность сталинской формулы 1936 г. о победе социализма в СССР

Рассмотрим теперь подробнее, какие аргументы в пользу вывода о построении социалистического строя удалось подобрать Сталину. В предварении своего доклада он сослался на тот факт, что перед Конституционной комиссией, образованной по постановлению VII съезда Советов Союза ССР, ставилась задача «уточнения социально-экономической основы Конституции в смысле приведения Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР (создание новой социалистической индустрии, разгром кулачества, победа колхозного строя, утверждение социалистической собственности как основы советского общества и т.п.)»¹⁶. Данная формулировка слово в слово повторила решение Пленума ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1935 г.¹⁷ В ней названы три слагаемых будущей «победной» формулы: «социалистическая индустрия», «победа колхозного строя», «утверждение социалистической собственности». Все три и были перечислены в «победном» докладе, произнесенном Сталиным 25 ноября 1936 г.

Но, на что надо обратить внимание, в речи одновременно промелькнула и другая

формула, в корне отличная от «победной» и гораздо реалистичнее. Что это за формула? В чем ее суть? В тексте доклада сохранились отголоски принципиально иной формулы, куда более сдержанной и адекватной – формулы будничных сдвигов в сторону социализма, формулы не победы, а только некоторого приближения к ней.

Цитируем: «Таким образом Конституционная Комиссия должна была внести изменения в ныне действующую Конституцию, принятую в 1924 году, учтя при этом те *сдвиги* в жизни Союза ССР *в сторону социализма*, которые были осуществлены за период от 1924 года до наших дней» [*курсив наш.* – С.Г.]¹⁸. В будничной формуле фигурируют всего лишь сдвиги в сторону социализма, а не «социализм в основном».

Итак, налицо две принципиально разнящиеся формулы: сдержанная и сталинская. Какая из них ближе к реальности 1936 г. – формула «сдвигов» или формула «победы»? Если достигнуты «сдвиги», то бессмысленно провозглашать «победу»; если обеспечена «победа», то незачем упоминать о «сдвигах». Разве процесс тождествен результату? Разве может быть неясно, что одна формула не увязывается с другой? Разве непонятно, что они исключают друг друга? Верно одно из двух: либо все еще свершающиеся «сдвиги», либо уже свершенная «победа».

В чем отличие пафосной формулы «победы» от скромной формулы «сдвигов»? Формула «победы» означает конец переходного периода к социализму, а формула «сдвигов» – только начальные шаги переходного периода. Первая формула неадекватна действительности и потому ложная, она являлась формулой дезориентации трудящихся, партии, государства и общества. Вторая формула адекватна реалиям, она правдива и задавала верный ориентир для проектирования маршрута движения вперед.

На самом деле будничная формула «сдвигов» означала не так уж и мало. В соответствии с ней, что главное, СССР находится на пути к социализму, не сворачивает и не отклоняется от цели. Иное дело, что этого было мало Сталину. Сдвиги, пусть и важные, его не устраивали, ибо не доказывали его «новацию» про «социализм в отдельно взятой стране». И потому от них осталось одно упоминание, весьма, впрочем, показательное, поскольку оно подтверждает, что у Сталина еще сохранялся выбор между правдой и ложью, еще существовали сомнения, пройдет авантюра или нет. Правдой по меркам истории были сдвиги, ложью – победа. Итог сделанного выбора общеизвестен: формуле исторической правды Сталин предпочел формулу обмана, с далеко идущими, что выяснилось десятилетиями позже, и трагическими последствиями.

Как убедимся, отнюдь не в действительности, а только по лживой формуле Советский Союз «победил» капитализм и эксплуатацию человека человеком.

Обратим внимание на схоластическое содержание сталинской логики. Вне всякого сомнения, Сталин прекрасно помнил знаменитое ленинское утверждение, что «из России нэповской будет Россия социалистическая»¹⁹. И, следуя данному шаблону, механически, не поразмыслив над ключевым замыслом ленинского плана переходного периода, он отождествил последний период нэпа с периодом полной ликвидации капитализма. Цитируем: «...Мы имеем теперь последний период НЭП'а, конец НЭП'а, период полной ликвидации капитализма во всех сферах народного хозяйства»²⁰. В данном центральном пункте Сталин продемонстрировал открытый отход от ленинского понимания того, что такое нэп, зачем и для чего понадобился.

По Ленину, нэп есть политика особой, торговой, *госкапиталистической смычки*

города и деревни, политика, направленная на достижение победы госкапитализма над частным капитализмом. В ленинском плане переходного периода именно «своеобычный» госкапитализм, призванный завоевать при опоре на советскую власть общегосударственную торговую монополию, составлял один из главных моментов нэпа²¹. Потому-то именно к советскому государству обращен призыв Ленина учиться торговать, чтобы держать в своих руках торговую смычку национализированной промышленности и крестьянства, в массе своей еще единоличного, не кооперированного. Нэпману учиться торговле было незачем, он требовал лишь ее свободы.

Так что нэп завершается не ликвидацией капитализма, а утверждением *советского госкапитализма* как основного хозяйственного уклада, уже непосредственно предшествующего социалистическому, без каких-либо промежуточных этапов и ступеней. Конец нэпа знаменуется победой госкапиталистического советского хозяйства, которое, в свою очередь, открывает наконец эпоху прямого перехода к социализму, доставляя социалистическому строительству материально-техническую базу и наивысший уровень развития производительных сил, недостижимый при догосударственном капитализме.

Вопреки ясной позиции Ленина, *госкапиталистической*, для Сталина нэп, преподнесенный в докладе 1936 г., оказался тождествен политике оживления частного капитализма, без государственного, без борьбы за общегосударственную торговую монополию. Нэп в представлении его творца – это не только частный капитализм и не только государственный, а политика вытеснения частного капитализма госплановским во всей сфере товарно-денежного обращения. Вот почему, кстати, введение нэпа точно совпало по времени с созданием Госплана (февраль 1921 г.). Нэп же, весьма карикатурно изображенный Сталиным, означал оживление только частного, только кулаческого капитализма. Отсюда и вульгарная увязка конца нэпа с концом капитализма, а не началом прочно обеспеченной торговой монополии советского государства.

Между тем капитализм капитализму рознь, ибо решающее значение имеет стадильная высота развития капитализма, или достигнутая стадия. Высший капитализм, а выше государственного, выше госплановского никакого другого нет и быть не может, совсем не чета низшему. Но для Сталина что высший капитализм, госплановский, что низший, бесплановый – было все одно. И потому свое заявление о полной ликвидации капитализма он сделал без малейшего представления о том, о каком капитализме говорит – низшем, частном и бесплановом или высшем, государственном и госплановском.

Что, спрашивается, в 1936 г. и государственно-монополистический капитализм оказался ликвидирован – заодно с организуемой тогда государственно-капиталистической монополией оптовой торговли, монополией розничной торговли, монополией внешней торговли? Мы уж не берем монополию промышленную, ценовую, банковскую, транспортную, земельную, монополию заработной платы, монополию найма рабочей силы, социально-страховую, пенсионную, образовательную и прочие, которые находились на этапе непростого становления. Так неужели были ликвидированы все начала, отношения и элементы госкапитализма? Ничего подобного. Сталин прекрасно понимал, для чего ему нужна сталинская Конституция и почему он выдал насквозь демагогический, содержательно абсурдный конституционный доклад; но он едва ли понимал, насколько разоблачительна его волюнтаристская

аргументация и в какой мере обнажает устроенный им идейный подлог.

Рассмотрим теперь предметнее три основных довода, приведенных Сталиным в подтверждение «победы социалистического строя».

Цитируем *первый* сталинский довод: «Самое же главное в том, что капитализм изгнан вовсе из сферы нашей промышленности, а социалистическая форма производства является теперь безраздельно господствующей системой в области нашей промышленности. Нельзя считать мелочью тот факт, что наша нынешняя социалистическая индустрия с точки зрения объема продукции превосходит индустрию довоенного времени более чем в семь раз»²².

Процитированный довод заслуживает того, чтобы хоть немного вдуматься в него. Разумеется, вовсе не мелочь, что в 1936 г. СССР превзошел по объему продукции царскую «индустрию довоенного времени более чем в семь раз». В данном отношении сравнение, избранное Сталиным, понятно и справедливо.

Но едва ли следовало считать мелочью то, насколько «социалистический» СССР уступал по объемам промышленного выпуска капиталистическим Соединенным Штатам Америки, не вышедшим еще из «Великой депрессии». Тем не менее, Сталин ограничился сопоставлением только с отсталой царской промышленностью, которую США многократно превосходили еще в 1913 г., и отказался провести сравнение с американской индустрией – хотя и сильно угнетенной длительным стадийным кризисом, но все равно передовой в мире.

Итак, зримая и в высшей степени примечательная особенность состоит в том, что советский «социализм» Сталин сравнивает исключительно с царским недокапитализмом; за эталон Сталин взял исторически отсталое вместо исторически передового.

Думается, нечего и говорить, что сравнение с исторически низшим вместо исторически высшего годится для страны, которая соревнуется со своим ретроградным прошлым, но непригодно для социализма, который соревнуется с самым передовым капитализмом за первенство в мире по производительности общественного труда. В 1936 г. передовой на то время капиталистической страной, для которой «Новый курс» администрации Ф.Д. Рузвельта открыл выход на просторы государственно-монополистической стадии, являлись США. И потому основание для «победного» вывода давал лишь гарантированно более высокий, чем в США, уровень производительности труда – устойчиво превышающий американский показатель на протяжении хотя бы пятилетия. Чтобы вывод был адекватным реалиям, вначале следовало догнать и со значительным запасом перегнать США по производительности труда.

Но Сталин отбросил классический критерий – производительность труда. И попал впросак, не сумев даже взять в толк, что построил сравнение по принципу: молодец против овец, а против молодца и сам овца. Сталин представил СССР страной, передовой среди отсталых и отсталой среди передовых. Сталинский «социализм» стоял много выше по сравнению с чахлым, чахоточным, преимущественно аграрным, полукапиталистическим хозяйством царской России, замученным самодержавием и феодально-помещичьим строем, и в то же время много ниже индустриальной американской экономики – с ее достаточно обширной электрификацией, громадной концентрацией и централизацией промышленного капитала в крупных фирмах.

Наконец, в завершение разбора первого довода нельзя не уточнить: в чем, собственно, состояла та сказочная «социалистическая форма производства», на кото-

рую сослался Сталин? Чем она отличается от капиталистической? Чем, например, основное звено промышленного производства в СССР отличалось от основного звена американского промышленного производства, сконцентрированного на крупных фирмах типа Ford, GM, GE, IBM. В чем состоял социалистический характер основной организационной формы, основного организационного звена промышленности и общественного воспроизводства? В чем советское отраслевое и хозрасчетное предприятие организационно превосходило многоотраслевой американский концерн? Какими организационными новациями отмечен сталинский «социализм» по сравнению с формами организации, свойственными передовому капитализму?

Подобные вопросы суть сугубо риторические, ибо какой-либо исторически новой формы организации промышленного производства, да и общественного воспроизводства в целом, сталинский «социализм» не явил, как, впрочем, и нового, недостижимого при капитализме уровня производительности труда. Все то новое, что отмечалось Сталиным, могло считаться новым исключительно по сравнению с дореволюционной, царской Россией.

Второй сталинский довод относится к аграрному хозяйству. Цитируем: «...Мы имеем теперь самое крупное в мире механизированное, вооруженное новой техникой производство, в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов. Всем известно, что кулачество в сельском хозяйстве ликвидировано, а сектор мелких индивидуальных крестьянских хозяйств с его отсталой средневековой техникой занимает теперь незначительное место, причем удельный вес его в сельском хозяйстве в смысле размера посевных площадей составляет не более 2-3 процентов. Нельзя не отметить тот факт, что колхозы имеют сейчас в своем распоряжении 316 тысяч тракторов мощностью 5 миллионов 700 тысяч лошадиных сил, а вместе с совхозами имеют свыше 400 тысяч тракторов мощностью 7 миллионов 580 тысяч лошадиных сил»²³.

В подтексте здесь опять-таки абсолютно негодная логика сравнения с отсталым вместо передового, по примитивному шаблону: царская Россия не имела – СССР имеет. Неслучайно точкой базового отсчета для Сталина и сталинской статистики служил уровень, достигнутый отсталым хозяйством царской империи в 1913 г., а не текущий уровень самых передовых капиталистических стран мира. Только по сравнению с экономически бессильной царской империей, поработанной иностранным капиталом, и мог казаться головокружительно передовым сталинский «социализм», который не дал еще полной электрификации даже советской промышленности, не говоря уже о деревне или транспорте.

От Сталина нечего было ожидать хотя бы элементарных вопросов, например: сколько тракторов в 1936 г. и с какой удельной выработкой имели США? – чем колхозно-совхозная система прогрессивнее по сравнению с фермерской организацией американского сельского хозяйства, замкнутого на крупные компании пищевой индустрии и работающего по их заказам, чем производительнее? – имела ли колхозно-совхозная система прямой экономической интерес снижать цены сельскохозяйственной продукции и повышать качество продуктов питания? – обеспечила ли решение продовольственной проблемы?

Аграрный «социализм» Сталина, неспособный ни снять продовольственную проблему, ни избавить большинство трудящихся города и деревни от полуголодного существования, козырял наличием тракторов – притом наличием сугубо количе-

ственным, без всякого упоминания о качестве и производительности применяемой тракторной техники, которая дольше простаивала в ремонте, чем работала на полях и фермах, и значительно отставала по выработке от американской.

Ссылаясь на колхозно-совхозную систему как социалистическую, Сталин счел, видимо, что лучше «социализм» без решения продовольственной проблемы, чем решение продовольственной проблемы без «социализма».

Ничуть не осмысленнее *третий* сталинский довод: «Что касается товарооборота в стране, то купцы и спекулянты изгнаны вовсе из этой области. Весь товарооборот находится теперь в руках государства, кооперации и колхозов. Народилась и развилась новая, советская торговля, торговля без спекулянтов, торговля без капиталистов»²⁴.

Возможно, советская торговля уже и шла без капиталистов, если не считать немощного государственного капиталиста, неспособного прочно держать в своих руках торговую монополию, неподатливую ему. Но чтобы советская торговля шла без спекулянтов – это уже чудовищный перебор. Надо совершенно презреть всякую истину, чтобы на весь Советский Союз и весь мир изречь столь откровенную ложь. Торговый «социализм» Сталина ни мгновения не обходился без частнокапиталистической по сути спекуляции, служившей формой первоначального накопления теневого частного капитала. Победа над спекуляцией в советской оптовой и розничной торговле могла быть разве лишь фантомом неадекватного сознания, клинически оторванного от реальности. Легендарный Дон Кихот и тот был ближе к победе над ветряными мельницами, чем сталинский «социализм» – к победе над спекулянтом и теневым капиталом в торговле и сфере товарно-денежного обращения.

Мы указали все три столпа, на которых Сталиным водружена ложная «победа социализма». Вслед за ними сразу следует итоговый вывод.

Цитируем: «Таким образом, полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом. А что это значит? Это значит, что эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена, как незыблемая основа нашего советского общества»²⁵.

По правилам элементарной логики и данное сталинское утверждение заведомо ошибочно. В чем его ошибочность? В том, что оно поставило причину на место следствия, а следствие – на место причины. На самом деле первично именно уничтожение эксплуатации, тогда как социализм вторичен. Сообразно с действительной причинно-следственной связью уничтожение эксплуатации выступает не следствием готового социализма, а предпосылкой построения социалистического общества: социализм строится людьми, свободными от капиталистической эксплуатации и, стало быть, от всякого экономического принуждения, не говоря уже о внеэкономическом. У Сталина все наоборот: раз объявлен социализм, значит, эксплуатация уничтожена. Чем она уничтожена? Провозглашением социализма. Тем самым за доказательство принимается то, что само подлежит доказательству. Делая свой «победный» вывод, Сталин совершает логическую ошибку, именуемую *petitioprincipii*, т.е. проводит предвосхищение основания или банальный подлог.

Интересно, чем же все-таки сталинский «социализм» уничтожил эксплуатацию человека человеком? Быть может, тотально господствовавшей сдельщиной – сдельной системой заработной платы? Но Ленин относил такую систему к «капиталисти-

ческим основаниям» госпредприятий, а Маркс – так и вовсе к самым варварским и бесчеловечным методам капиталистической эксплуатации наемного труда. Быть может, эксплуатация была уничтожена посредством устранения товарного характера рабочей силы, посредством устранения наемного характера труда, посредством устранения формы заработной платы, прибыли, цен, как должно быть по научной классике? Нет, основополагающие производственные отношения, обусловленные разделением общественного труда, начисто опровергали, а не подкрепляли сталинскую выдумку про уничтожение эксплуатации человека человеком.

В Советском Союзе вместо непосредственно-общественного труда постоянно, при всех зигзагах истории, господствовал опосредованно-общественный, объективно предполагающий товарно-денежный обмен и товарооборот.

До реального обобществления, возможного, по классике, только на базе автоматизированных производительных сил, в 1930-е гг. было очень далеко даже для США с их сложившейся конвейерной системой поточного производства; сталинский же «социализм» едва только начал открывать для себя и перенимать конвейерную организацию массового производства, спешно осваиваемую уже в годы Великой Отечественной войны.

Сталин подытоживает: «Затем, организовав промышленность и сельское хозяйство на новых, социалистических началах, с новой технической базой, Советская власть добилась того, что ныне земледелие в СССР дает в $1\frac{1}{2}$ раза больше продукции, чем в довоенное время, индустрия производит в 7 раз больше продукции, чем в довоенное время, а народный доход вырос в 4 раза в сравнении с довоенным временем»²⁶.

Выходит, по Сталину, для полной победы социалистического общественного строя в 1936 г. достаточно того, что по объемам выпуска промышленность в 7 раз превзошла царскую Россию 1913 г., а сельское хозяйство – в 1,5 раза. При этом не имеет значения, получается, что не решена ни одна из насущных проблем: ни продовольственная, ни жилищная, ни обувная, ни текстильно-тканевая, ни всеобщей электрификации, ни всеобщей грамотности, ни производительности труда, ни качества продукции, ни планомерности, ни ручного труда – ни хотя бы босоного детства.

По сути, Сталин провозгласил не что иное, как победу босоногого «социализма», бездомного «социализма», безграмотного «социализма», «социализма», основанного на изнурительном ручном труде, в общем – бесчеловечного «социализма». Л. Троцкий в своей трибунной манере профессионального оратора задал вопрос, который содержит в себе готовый ответ: «Разве можно более злостно компрометировать социализм?»²⁷.

Сталинская формула «полной победы социализма» с самого начала стала формулой полной дискредитации социализма. Она оказалась в столь чудовищном разладе с хрестоматийными принципами классического учения о социализме, что для ее утверждения понадобились репрессии против несогласного слоя малочисленных к тому времени ленинских соратников и их последователей. Конституция СССР, проведенная под фиктивным предлогом «победы социализма», в самих своих основах так чрезмерно расходилась со второй программой ВКП(б), принятой в 1919 г., что де-юре отменяла эту программу.

Безусловно, не без умысла Сталин заговорил в докладе про двухпалатную парламентскую историю, а держа в уме то обстоятельство, что новая Конституция отме-

няла съезд Советов и вводила двухпалатный Верховный совет, избираемый не по производственному, а по территориальному округу²⁸. По сути, конституционно закреплялась ликвидация даже формального декларирования рабочего характера советской власти, а вместе с тем – и полный разрыв Сталина с ленинской партийной программой.

Столь вызывающий отказ от основополагающих требований Октябрьской революции и программы ленинской партии не мог не вызвать ответной реакции со стороны представителей ленинского ядра. Л. Троцкий громовым голосом высказался в «Преданной революции», да так раскатисто, что привил сталинской верхушке рефлекс неизбежного маниакального страха. Страшнее троцкизма зверя для кремлевского небожителя не стало, троцкизм мерещился Сталину всюду: в партии, государстве, армии, хозяйственных органах. В троцкисты автоматически попадал каждый, кто придерживался ленинской партийной программы 1919 г. и не принимал ни формулы «победы социализма», ни выстроенной под предлогом этой «победы» Конституции.

Поэтому едва ли случаен тот факт, что молох общесистемных репрессий, направленных против внутренней оппозиции, по сути – «октябрьской», был пущен в ход уже в январе 1937 г., спустя считанные недели после одобрения сталинской Конституции, состоявшегося 5 декабря 1936 г.

В советское время связь между Конституцией 1936 г. и масштабными репрессиями не становилась предметом исторических исследований. Не поднимается тема и в постсоветский период. Лишь единичные историки пришли к версии о наличии связи между конституционной реформой и репрессиями, но обстоятельного и доказательного исследования пока нет. Впрочем, по отдельным моментам есть и продвижение.

Весьма важной представляется фиксация противоречия между конституционными новациями Сталина и программой Коминтерна. Цитируем: «Но все же самым серьезным являлось то, что все новации перечеркивали не столько суть конституции 1924 г., сколько ‘Программу Коммунистического Интернационала’, принятую на его VI конгрессе 1 сентября 1928 г. в редакции, предложенной программной комиссией под председательством Н.И. Бухарина»²⁹. Разумеется, здесь отражена лишь одна грань многогранного противоречия, поскольку сталинская Конституция фронтально противоречила самому характеру Октября 1917 г., начиная с интересов рабочего класса и кончая марксовской теорией заодно с ленинской программой партии.

Докладывая о проекте новой Конституции, Сталин выступал не как руководитель партии, ответственный за выполнение партийной программы. Наоборот, он всячески избегал какого-либо упоминания о действовавшей программе, принятой в 1919 г. Вследствие этого возникло разительное противоречие: программа переходного периода не выполнена, отчитываться о ее выполнении нечем, и при всем том уже свершилась «победа» социалистического строя.

Лишенный опоры на фундаментальные факторы и чувствуя шаткость своей «победной» позиции, Сталин апеллировал к поверхностным явлениям как доводу в последней инстанции. Цитируем: «В результате всех этих изменений в области народного хозяйства СССР мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни»³⁰.

Итак, «новая, социалистическая экономика» не знает кризисов и безработицы, не

знает нищеты и разорения, дает «все возможности для зажиточной и культурной жизни» – таков доказательный ряд, предъявленный делегатам последнего всесоюзного съезда Советов «сталинским гением».

«Социалистическую экономику» Сталин определяет посредством отрицания, а не утверждения – через то, чего она не знала. А что же она знала? Что знала она вместо нищеты и разорения? Можно ли сказать, к примеру, что она знала массовое процветание и благосостояние рабочего класса? Нет, нельзя было сказать, что нищета сменилась процветанием трудящихся города и деревни. И даже Сталин не решился на столь циничную ложь, хорошо понимая, какое опасное возмущение может подняться в ответ на нее. Поэтому на совещании стахановцев, в ноябре 1935 г., он ограничился скромной, вовсе не «победной» реляцией: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее»³¹. Впрочем, стахановцы пропустили ее мимо ушей, сопроводив молчаливым равнодушием. Зато одобрительную их реакцию вызвало более правдивое утверждение, ежедневно подтверждаемое их собственным опытом: «Если не хватает хлеба, не хватает масла и жиров, не хватает мануфактуры, жилища плохие, то на одной лишь свободе далеко не уедешь. Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой»³².

До пресловутой «полной победы социализма» существовала массовая нищета, оформленная системой карточного нормирования товаров. С успехами второй пятилетки индустриализации, отменой карточной системы и «победой социализма» тотальная нужда совершила маленький позитивный сдвиг: от массовой нищеты – к массовой нехватке предметов первой необходимости, включая хлеб, мясо, обувь, одежду и жилье. Но этот сдвиг совершенно не тянул на социалистический, как и все прочие несомненные успехи в деле подъема производительных сил, достигнутые во второй индустриальной пятилетке.

Обратим внимание на одно терминологически небольшое, но содержательно огромное и крайне информативное расхождение. В выступлении перед аудиторией, заполненной стахановцами, за год до конституционного доклада, 17 ноября 1935 г., Сталин указывает, что «возможность зажиточной и культурной жизни» дала «наша революция». Цитируем: «Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными. Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни»³³.

Год спустя, 25 ноября 1936 г., в конституционном докладе Сталин кардинально изменил позицию, убрав «нашу революцию» и поставив взамен нее «социалистическую экономику», которая дала то же самое, что и «наша революция» – «все возможности для зажиточной и культурной жизни», только с опозданием на два десятилетия.

Глядя в глаза стахановцев, Сталин не решился утверждать, будто социализм победил и «победа социализма» принесла им благополучие. Он не выставил здесь напоказ, а, наоборот, стыдливо прикрыл и замаскировал «победную» формулу, из-за чего впал в путаницу и раздвоение. Запутавшись в своей мешанине, он не знал, на какой же исторический этап поместить стахановское движение: на этап ли социалистического строительства или на этап перехода от социализма к коммунизму; на этап ли без победы или этап с победой. Как вышел Сталин из затруднения, им самим

созданного? Очень просто: он расположил стахановское движение сразу на обоих этапах. У него стахановское движение значимо «в деле нашего социалистического строительства», которое, стало быть, еще продолжается, ибо не завершено; и в то же время – «оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму»³⁴.

Таким образом, Сталин одним махом смешал два принципиально различных переходных периода: предшествующий – от капитализма к социализму, и последующий – от социализма к коммунизму. При этом мимоходом, походя обронил еще теоретическую «новацию», согласно которой высшая в мире производительность свойственна не социализму, а обретается где-то на пути между социализмом и коммунизмом. Тем самым Сталин с необычайной легкостью освободил свой «социализм» от классического требования наивысшего уровня производительности труда, на порядок более высокого, чем при самом передовом капитализме. Что это значит? Это значит, что к сталинскому «социализму» незачем подходить с классической меркой, обоснованной марксовой теорией освобождения труда от капитала. Это значит, что сталинский «социализм» в принципе противоречит базисным интересам рабочего класса и попирает их. Это значит, следовательно, что критерии сталинского «социализма» понижены до критериев государственно-монополистического капитализма.

Но и это не все. Выступление перед аудиторией стахановцев отмечено и другим характерным обстоятельством. Разбирая причины стахановского движения, Сталин так и не отважился назвать среди них «победу социализма». Он выделил четыре причины. Первая – «коренное улучшение материального положения рабочих»; вторая – «отсутствие эксплуатации»; третья – «новая техника»; четвертая – «новые кадры».

Быть может, «победа» обозначена не прямо, а иносказательно? Например – в виде «отсутствия эксплуатации»? Но отсутствия эксплуатации, даже если оно и было бы фактом в середине 1930-х гг., недостаточно для победы социализма. И, что главное, эксплуатация труда не отсутствовала, а присутствовала, и к тому же норма ее только нарастала. Не отдавая себе в том отчет, уподобившись мольеровскому герою, который не подозревал, что глаголет прозой, Сталин сам разоблачил свою выдумку про «отсутствие эксплуатации».

В самом деле, подлинный смысл речи перед стахановцами сводился к тому, чтобы побудить их к превращению стахановского движения в движение за повышение норм выработки³⁵. Все остальные фигуры речи были больше лирикой или служили подведению к самому злободневному и острому вопросу: «новая техника – новые, более высокие нормы».

Наличие подобного вопроса уже само по себе выдает отношения отчуждения и, стало быть, противоречия, порождаемые эксплуатацией труда капиталом. Каким именно капиталом – частным, групповым, клановым, монополистическим или государственным? Это уже конкретно-историческая и стадияльная специфика. Прежде всего, важно зафиксировать наглядное проявление противоречий капиталистической эксплуатации труда рабочего класса города и деревни. В чем они наглядно проявлялись? Как раз в вопросе о нормах и расценках, а также в отношении рабочего класса к данному вопросу.

Если бы не было эксплуатации, если бы рабочий класс не был раздроблен разде-

лением общественного труда и работал сам на себя, то выполняемая им работа приобрела бы непосредственно-общественный характер, подтверждение которого не нуждается в товарно-денежном обмене, т.е. в рынке. Тогда рабочая сила утратила бы свой товарный характер, как и продукты труда, а производство перестало быть производством стоимости и прибавочной стоимости.

Ленин полагал, что для «обобществления на деле» достаточно всеобщей электрификации производительных сил страны и общехозяйственной централизации производства и распределения материальных благ. Жизнь показала, что электрификации все же недостаточно, что потребуются еще полная автоматизация производительных сил и формирование на ее основе совокупного работника, которому и предназначено стать субъектом того самого непосредственно-общественного труда, с каким связано реальное обобществление.

В середине 1930-х гг. СССР не имел не только полной автоматизации, но и половинной электрификации промышленности, незначительной еще по масштабу и едва начавшей свое становление в качестве машинной; а электрификация сельского хозяйства, транспорта, торговой инфраструктуры и жилищно-коммунального сектора находилась в самом начале своего пути. До обобществления, как и до совокупного работника, было еще столь же далеко, как от лучины до полной автоматизации.

Соответственно тогдашнему уровню развития производительных сил, труд рабочего класса объективно оставался раздробленным, разделенным, опосредованно-общественным, вследствие чего необходимо предполагал как товарообмен, так и товарный характер рабочей силы. Будучи носителем и продавцом рабочей силы, рабочий класс заинтересован в том, чтобы продавать ее подороже. Обратной стороной выступает незаинтересованность рабочего класса в повышении норм выработки, снижении расценок и тарифов, увеличении нормы эксплуатации. То и другое указывает на отчуждение непосредственных работников от средств производства, неважно – частных или национализированных.

Национализация, повторим азбучную истину, будучи актом политическим, неспособна ни отменить, ни изменить объективные экономические законы, которые являются законами экономического базиса и неподвластны политической надстройке. Не национализация командует экономическими законами, а, наоборот, экономические законы командуют национализацией. Поэтому национализация не уничтожает капитал, а открывает возможность его общехозяйственной концентрации и централизации ради превращения в социальный, или иначе – в совокупный, деперсонифицированный капитал всего общества. Но и в таком случае общество остается еще эксплуататорским, со всеми вытекающими из эксплуатации труда антагонистическими противоречиями.

Естественно, отсутствие прямого интереса советского рабочего класса в повышении производительности труда и понижении цен диктовалось не уничтожением эксплуатации труда капиталом, а именно ее осуществлением. Из противоречий, обусловленных капиталистической эксплуатацией, и вытекала вся острота вопроса о нормах и расценках. Не подозревая о том, не различая фундаментального противоречия отношений собственности – между отчуждением и присвоением, Сталин своей постановкой вопроса «новая техника – новые нормы» обнаружил воздействие противоречий как раз капиталистической эксплуатации, на словах им отрицаемой.

Нам незачем опровергать «победные» вымыслы Сталина, ибо он, в чем мы убеж-

даем, сам же с успехом и опровергает их. Он заявляет об «отсутствии эксплуатации» и сходу побивает свое заявление, поднимая вопрос, типичный только в условиях капиталистической эксплуатации труда и порождаемых ею противоречий. Он заявляет об устранении массовой нищеты и сразу обесценивает свое заявление, приводя факт массовой нехватки предметов жизненной необходимости. Он заявляет о «полной победе социализма» и здесь же отрицает свое заявление, передвигая высшую производительность труда из социализма в коммунизм. Он заявляет о вкладе стахановского движения в «переход от социализма к коммунизму», чтобы уже следующей строкой отменить свое заявление, приписывая этот вклад «социалистическому строительству».

Можно возразить, что нищете и разорению Сталин противопоставил «все возможности жилищной и культурной жизни». Но и в данном случае Сталин побивает самого себя, поскольку не кто иной, а он говаривал: «Нельзя смешивать возможность с действительностью»³⁶.

Перейдем теперь к коронному в своей вульгарности доводу – отсутствию кризисов и безработицы. Поразительно, но при всех усилиях по приданию правдоподобности ложной «победной» формуле Сталин ни разу не вспомнил о системе планового хозяйства, ни разу не указал в произнесенном докладе о новой Конституции СССР на победу планового хозяйства. Сталинский «социализм» оказался оторванным от плановой системы. И единственной тонкой ниточкой, пунктирно лишь обозначающей их связь, является ссылка на бескризисный характер «новой, социалистической экономики». Прошло почти два десятилетия, прежде чем преимущества советского «социализма» политэкономы стали приписывать общественной собственности и плановой системе. Но в 1936 г. Сталин не осмелился представить советскую экономику как плановую. И на то были веские причины.

Советское хозяйство 1930-х гг. хотя и планировалось, но не стало плановым. Планируемое хозяйство не тождественно плановому. Как и национализация, планирование не может быть выше ключевых экономических законов способа производства и потому подчиняется им. Основным законом национализированного советского хозяйства оставался закон капиталистической эксплуатации труда, т.е. закон производства прибавочной стоимости, который требует сокращения необходимого труда ради увеличения труда прибавочного. Этот основной закон распространялся не только на крестьянство, он распространялся и на промышленный рабочий класс.

Изменения произошли преимущественно с капиталом как орудием эксплуатации. Всю полноту власти над командными высотами экономики национализация отдала государственному капиталу, которому, однако, предстояло овладеть ими экономически, сообразуясь с требованиями закона капиталистической концентрации и централизации. В соответствии с тем же законом предстояло формировать и разворачивать систему планового хозяйства. Плановое хозяйство должно было складываться как плановое воспроизводство государственного капитала, государственной капитальной стоимости.

В постсоветской литературе появилась весьма экзотическая точка зрения, согласно которой капитал оторван в марксовой теории от стоимости, а капиталистическое воспроизводство не занимается воспроизводством стоимости. Подобный взгляд явился плодом недоразумения, порожденного неверным прочтением классики и едва ли заслуживает отдельного разбора³⁷. Мы, пожалуй, и вовсе не упоминали бы о

нем, если бы нам не пришлось напомнить классическом положении, что какое-либо планомерное, бескризисное регулирование общественного воспроизводства на основе стоимости невозможно.

Каким бы организованным и совершенным ни было планирование воспроизводства государственного капитала, т.е. государственной капитальной стоимости, избавить народное хозяйство от капиталистического кризиса оно не в состоянии. Планирование государственно-монополистической экономики может изменить только формы проявления кризиса. Сущность же капиталистического кризиса остается при этом неизменной, выражаясь в *системной расточительности человеческого труда и человеческой жизни*, сопровождаемой гигантской потерей продуктов и производительных сил.

И действительно, в советской экономике кризисы и безработица не исчезли, а приняли иные формы, отличные от тех, какие типичны для негосударственного капитализма. Кризисы в СССР проявлялись в форме хронических дисбалансов, товарного дефицита, инфляции качества, некомплектности, простоев, затоваривания, порчи и гибели продукции заводов, фабрик, колхозов и совхозов, работы на склад, авралов и штурмовщины, манипуляции ценами и ассортиментом, массовых приписок. Причем такого рода кризисные явления столь заметно перевешивали достижения слабого планового начала, что Сталин даже не решился увязать «полную победу социализма» ни с «победой» плановой системы, ни с самой этой системой.

Что до безработицы, то она из открытой перешла в форму скрытой, по-прежнему обуславливая непроизводительную потерю совокупной рабочей силы. Основное отличие от системы частнособственнического капитализма заключалось в том, что советская безработица расположилась не за стенами предприятий, а внутри них. Огромный легион «работающих безработных», десятилетиями позже ставший в основном дипломированным, непрерывно тянул вниз производительность общественного труда и усугублял социальную несправедливость, остро ощущаемую остальной массой трудящихся.

В 1930-е гг. безработица скрывалась также прикреплением беспаспортного советского крестьянства к колхозам и совхозам, принудительным трудом в системе ГУЛАГа, закреплением рабочих и специалистов на заводах и фабриках, раздуванием численности занятых на предприятиях, системой ограничения мобильности рабочей силы.

Итак, мы рассмотрели вкратце те поверхностные явления, которые казались Сталину подкреплением его «победной» формулы, или доводом в последней инстанции. Сделанные им ссылки на отсутствие эксплуатации, кризисов, безработицы, нищеты, разорения не выдерживают элементарной критики, ибо категорически противоречат объективным реалиям советской действительности середины и конца 1930-х гг., а также классической теории капиталистического способа производства.

В 1936 г. Сталин запомнил то, о чем прекрасно помнил в 1935 г. Представителям стахановского движения он разъяснял прописную истину: «Почему капитализм разбил и преодолел феодализм? Потому, что он создал более высокие нормы производительности труда, он дал возможность обществу получать несравненно больше продуктов, чем это имело место при феодальных порядках. Потому, что он сделал общество более богатым. Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие

образцы труда, более высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства»³⁸.

И продолжал: «На самом деле социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества. Но для того, чтобы социализм мог добиться этой своей цели и сделать наше советское общество наиболее зажиточным, – необходимо иметь в стране такую производительность труда, которая перекрывает производительность труда передовых капиталистических стран. Без этого нечего и думать об изобилии продуктов и всякого рода предметов потребления»³⁹.

Здесь пока речь ведется без передвижки высшей производительности труда из социализма в коммунизм, о социализме говорится в будущем времени, а не настоящим. Очевидно, Сталин примерял и обкатывал различные варианты, в том числе скромные, ломая голову над тем, как обойти общеизвестный классический критерий, куда приткнуть производительность труда, чтобы она вписывалась в заготовленную им «победную» формулу. Но производительность труда ни на грань не совмещалась с его ложной формулой, в чем он и убедился на совещании со стахановцами.

В итоге Сталин не нашел, как справиться с дилеммой. И потому выдал конституционный доклад вообще без упоминания о предательской для него производительности труда. Хотя к тому времени, несомненно, уже успел ознакомиться с книгой Л. Троцкого «Преданная революция» и превосходно понимал, какой пункт превратит в главную для себя мишень троцкистская критика.

Но критерий производительности труда – не единственный. Вместе с ним классическая наука оперирует еще диалектическим критерием, который тоже был отброшен Сталиным. Оба классических критерия не устраивали его, поскольку разоблачали ложь о «победе» социализма. Отказавшись от обоих, Сталин с легкостью обошел и вопрос о непокоренном уровне производительности труда, и коварный вопрос о том, какие базисные противоречия удалось разрешить в 1917-1936 гг., а какие остались неразрешенными и почему.

Социализм можно определять по-разному, с противоположных классовых позиций, и оттого в литературе существует множество его определений, в том числе откровенно несуразных – утопический социализм, казарменный, казенный, государственный, большевистский, бюрократический, мутантный, гибридный и т.д. Но по научному критерию действительный социализм начинается там, где завершается разрешение всех базисных противоречий капитализма, включая противоречие товара, т.е. противоречие между стоимостью и потребительной стоимостью. Именно в разрешении противоречий капиталистического способа производства состоит восхождение от капитализма к социализму.

По законам диалектики, обратим внимание, социализм представляет собой не способ, а результат практического разрешения противоречий, имманентных капиталистической формации, благодаря чему, во-первых, стоит исторически выше самой высшей и финальной стадии капитализма – госкапитализма, во-вторых – на порядок превосходит высший, государственный капитализм по производительности труда и качеству жизни трудящихся, в-третьих – объективно необратим в капитализм.

Удовлетворяло ли указанным требованиям советское общество 1936 г.? Преодолело ли оно базисные противоречия капитализма? Поднялось ли выше госкапитализма? Было ли необратимым вспять? Превзошло ли высший капитализм по производительности труда и качеству жизни работников? Нет, ни одной из исторических задач социализма СССР не решил, оставаясь не выше, а ниже промышленно развитого капитализма по всем ключевым параметрам развития производительных сил.

Однако для Сталина, о чем свидетельствует произнесенный им доклад, перечисленные вопросы попросту не возникали. Обязательные при научном подходе, они были вовсе необязательными для Сталина: он вообще не задавался ими, вообще не утруждал себя диалектическим познанием действительности. Презрел он, как уже показано, и фундаментальный критерий в виде производительности труда, высотой которой, как известно, классическая наука измеряет высоту конкретно-исторического способа производства. Он обошелся без каких-либо научных критериев, что позволило ему не доказывать, а демагогически декларировать «полную победу социализма».

Став конституционным положением, сталинская декларация получила силу закона, так что всякое сомнение в ее адекватности расценивалось как антиконституционное и сурово наказуемое. С тех пор советская общественная наука стала обязанной всячески отстаивать антинаучную оценку социального характера СССР. Аполгетика фальшивого социализма, равносильная скрытому антикоммунизму, стала генеральной линией официальной идеологии, малейшее отклонение от которой объявлялось антисоветизмом и влекло разнообразные репрессивные меры: от дисциплинарных и административных до уголовных.

«Победная» конституционная формула 1936 г. несовместима с азами научной классики, и оттого абсолютно ненаучна. Согласно основополагающим критериям, Советский Союз в действительности не был, да и не мог быть обществом социализма. На практике СССР не удалось подняться не только до социализма, но и до содержательного понимания того, что такое социализм.

Дело, однако, не в том, чтобы констатировать несоциалистическую природу СССР – этого мало, а в том, чтобы точно конкретизировать ее. Для того же, чтобы определить подлинный характер советского общества, требуется установить собственные ему базисные противоречия и проверить, к какому формационному типу они принадлежат – капиталистическому или социалистическому. Стало быть, следует выполнить диалектический анализ советского способа производства, притом с учетом исторической эволюции СССР, выродившейся в тотальную социальную инволюцию.

Отнюдь не по прямой магистрали двигалось советское общество и не по выверенному маршруту. На протяжении своей беспрецедентной истории оно прошло не только через прогресс, но и регресс, каждый раз изменяя или видоизменяя свой характер. Последний исторический акт остался, к сожалению, за реакцией. И потому оно родилось как советское, а умерло как антисоветское. Естественно, по ходу драматического движения от советского к антисоветскому, между двумя своими крайними состояниями оно вместило череду пограничных или промежуточных. Поэтому, заметим, нет ничего ошибочнее, чем изображение советской истории в виде прямой линии, лишенной зигзагов и крутых поворотов, включая реакционные.

Советский период насчитывает ряд специфических этапов, пройденных в следу-

ющем порядке: Октябрьская революция и «военный коммунизм», нэп и трестовский капитализм, реформа 1929-1933 гг. и формальный госкапитализм, реформа 1953-1957 гг. и дезорганизация системы народно-хозяйственного расчета, реформа 1965-1967 гг. и хозрасчетный капитализм, частнособственническая «перестройка» и окончательный развал.

Вопреки ложным стереотипам, не в одночасье развалился СССР, не быстротечно и не спонтанно. Завершающему аккорду его развала предшествовали долгие десятилетия подспудного разложения и расчленения экономического базиса, формирования теневого капитала и теневой буржуазии, создания и упрочения антисоветской движущей силы, раскрепощения противоречий капитализма со снятием с них всех и всяческих ограничений, начиная с планово-централизованных, т.е. государственно-монополистических.

Вся история СССР есть история борьбы высшего капитализма, госплановского, против низшего, беспланового, или «либерального». Крах СССР не был и в принципе не мог стать крахом социализма. Превратная формула «поражения социализма» столь же нелепа и неверна, как и заложенная в ее основании антинаучная сталинская формула «победы социализма». На самом деле развалом Советского Союза правда истории победила ложь о социализме.

Невероятно дорого обошлась СССР историческая неправда, восторжествовавшая в 1936 г. Неопровержимым фактом стало то, что именно фальшивая формула Сталина о «полной победе социализма» оказалась для Советского Союза точкой реакционного разворота и поистине началом конца, поскольку обусловила полный отрыв теории от практики, подменила теорию идеологией вульгарной апологетики, устроила чудовищный театр абсурда, который искалечил сознание и судьбы сотен миллионов советских людей, дискредитировал само понятие социализма и социалистической перспективы.

Насколько известно, не наука суть учитель для истории, а история – для науки. История свой вердикт вынесла: советское общество, растерзанное изнутри капиталистическими противоречиями, неразрешенными в СССР, безжалостно сметено с исторической арены. Теперь свою функцию должна выполнить наука, чтобы правда истории стала правдой в умах, в общественном сознании и послужила социальному прогрессу.

¹ См., например: Дискуссия об азиатском способе производства: по докладу М.С. Годеса. Изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ. 2009.

² Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. – М.: Издание ЦИК Союза ССР. 1936. Бюллетень № 1. С. 16.

³ Trotsky L. The Revolution Betrayed: What Is the Soviet Union And Where Is It Going? – New York: Pathfinder Press. 1972. P. 48.

⁴ Там же. P. 109.

⁵ James C.L.R. State Capitalism And World Revolution / Written in Collaboration with Raya Dunayevskaya & Grace Lee. With a New Introduction by Paul Buhle – Chicago, Ill.: Charles H. Kerr Publishing Company. 1986.

⁶ Там же. P. 27.

⁷ Trotsky L. The Revolution Betrayed: What Is the Soviet Union And Where Is It Going? – New York: Pathfinder Press. 1972. P. 252.

⁸ Там же. P. 49.

⁹ Там же. P. 116.

¹⁰ Клифф Т. Государственный капитализм в России – Л.: 1991.

¹¹ Mandel E. Late Capitalism – London: NLB. 1975.

¹² Trotsky L. The Revolution Betrayed: What Is the Soviet Union And Where Is It Going? – New York: Pathfinder Press. 1972. P. 65.

¹³ James C.L.R. State Capitalism And World Revolution / Written in Collaboration with Raya Dunayevskaya & Grace Lee. With a New Introduction by Paul Buhle – Chicago, Ill.: Charles H. Kerr Publishing Company. 1986. P. 30.

¹⁴ Там же. P. 53.

¹⁵ Trotsky L. The Revolution Betrayed: What Is the Soviet Union And Where Is It Going? – New York: Pathfinder Press. 1972. P. 60-61.

¹⁶ Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. – М.: Издание ЦИК

- Союза ССР. 1936. Бюллетень № 1. С. 7.
- ¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 6. 1933-1937 гг. – М.: Политиздат. 1985. С. 197.
- ¹⁸ Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. – М.: Издание ЦИК
- Союза ССР. 1936. Бюллетень № 1. С. 8.
- ¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 309.
- ²⁰ Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. – М.: Издание ЦИК
- Союза ССР. 1936. Бюллетень № 1. С. 9.
- ²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 296.
- ²² Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. – М.: Издание ЦИК
- Союза ССР. 1936. Бюллетень № 1. С. 9.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 10.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 21.
- ²⁷ Trotsky L. The Revolution Betrayed: What Is the Soviet Union And Where Is It Going? – New York: Pathfinder Press. 1972. P. 61.
- ²⁸ Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. – М.: Издание ЦИК
- Союза ССР. 1936. Бюллетень № 1. С. 30.
- ²⁹ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. – М.: Вагриус. 2005. С. 221.
- ³⁰ Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. – М.: Издание ЦИК
- Союза ССР. 1936. Бюллетень № 1. С. 10.
- ³¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. – М.: Госполитиздат. 1953. С. 537.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 535.
- ³⁵ Там же. С. 539-541.
- ³⁶ Там же. С. 217. [О правой опасности в ВКП(б). Речь на пленуме МК и МКК ВКП(б) 19 октября 1928 г.]
- ³⁷ Подробнее см.: Маевский В. Воспроизводство основного капитала и экономическая теория // Вопросы экономики. 2010. № 3; Маевский В.И., Малков С.Ю. Новый взгляд на теорию воспроизводства. – М.: ИНФРА-М. 2013.
- ³⁸ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. – М.: Госполитиздат. 1953. С. 532. (Речь на первом Всесоюзном совещании станхановцев, 17 ноября 1935 г.)
- ³⁹ Там же.